

Глава 6

Журналистская осада

Лэнс Кавендиш сидел на краю кровати, раздраженно потирая переносицу. Вокруг него сгустилась аура мрачного, почти осязаемого недовольства.

Нескончаемый гомон за дверью напоминал криканье доброй сотни уток, вознамерившихся во что бы то ни стало лишить его сна.

Вчерашний план казался предельно простым: собрать вещи и перебраться в гостиницу. В конце концов, пожитков у него почти не осталось — совместные усилия Мэри, привыкшей закладывать всё ценное в ломбард, и сотрудников Бюро по расследованию ереси превратили дом в пустую коробку, где и красть-то было нечего.

Однако судьба, эта капризная девка, снова решила над ним подшутить.

Едва забрезжил рассвет, когда юноша еще пребывал в объятиях сна, стая репортеров, точно почуявшие кровь стервятники, обрушилась на его порог.

— Я корреспондент «Утренних хроник»! Умоляю, уделите мне минуту для интервью!

— Газета «Курьер»! Откройте же дверь!

— Что вы думаете о связи вашей матери с Розой Бездны?

— Почему Инквизиция отпустила вас? Был ли здесь замешан подкуп?

Лэнс лишь молча сцепил зубы.

Джек, парящий рядом, не переставал хихикать. Его злорадный вид вызывал острое желание немедленно его придушить.

Утреннее раздражение Кавендиша достигло предела. В этот миг он искренне жалел, что не может просто выйти и перестрелять всех этих идиотов из оружия. Если бы не их лживые бредни в газетах, хозяин дома никогда бы не выставил его на улицу!

И вот теперь, когда он еще не успел предъявить им счет, они сами явились к нему в засаду.

Миссис Джонс отодвинула занавеску и выглянула в окно, выходящее на соседский двор.

Толпа журналистов забила улицу так плотно, что яблоку было негде упасть. Гвалт стоял невообразимый, точно на базаре в базарный день.

— Почему Кавендиш до сих пор не выходит? — пожаловалась она мужу. — Он сам притянул этих людей! И он обязан их прогнать.

Мистер Джонс попытался успокоить супругу:

— По крайней мере, на этот раз они не донимают нас.

— Как думаешь, он действительно съедет сегодня? — с сомнением спросила миссис Джонс.

— Вчера я предъявил ему ультиматум. Если он не уберется добром, мне придется вызвать полицию, чтобы они принудительно расторгли договор.

Миссис Джонс поджала губы:

— Инквизиция конфисковала всё имущество Мэри. Уверена, у него за душой нет ни гроша. Куда он пойдет? В трущобы?

— Это не наша забота, — проворчал мистер Джонс. — Нам изначально не стоило сдавать им дом. Кто знает, захочет ли теперь кто-нибудь жить там, где обитал сектант!

— Ему стоило бы найти приличную работу... Но он ведь ни на что не годен. Даже учебу бросил. Боюсь, он просто сдохнет с голоду на улице, — женщина издала резкий, неприятный смешок и добавила с притворным вздохом: — Да пребудет с ним Господь. Может, ему еще улыбнется удача.

Дилан, репортер «Утренних хроник», в ярости уставился на запертую дверь. Его напускная вежливость испарилась без следа.

— Лэнс Кавендиш, ты, жалкий трус! Я знаю, что ты там! Почему не открываешь?

— Или ты боишься? Боишься, что мы вытащим твои грязные секреты на свет божий?

— Думаешь, если закроешься внутри, мы от тебя отстанем? Ха! Если бы не мы, несчастные труженики пера, кто бы вообще захотел дышать одним воздухом с таким отребьем?

— Ты — крыса, живущая в сточной канаве! Тебе никогда не видать солнца!

Остальные журналисты оторопели от такой тирады. Один из коллег осторожно тронул его за плечо:

— Послушай, Дилан, это уже слишком...

— Он это заслужил! — огрызнулся корреспондент. — И если ему что-то не нравится, пусть выйдет и скажет мне это в лицо!

Коллега посмотрел на безмолвную дверь и промолчал. Любой мужчина, имеющий хоть каплю гордости, уже давно бы вылетел на порог после таких оскорблений. То, что Лэнс продолжал отсиживаться внутри, казалось верхом малодушия.

Внезапно Дилан перемахнул через изгородь сада. Это было незаконное вторжение, преступление чистой воды, но никто не попытался его остановить. В конце концов, их цель была еретиком, а на таких закон редко распространял свою защиту.

Оказавшись у входа, мужчина принялся со всей силы колотить в дверь.

— Лэнс! А ну выметайся! Ты слышишь меня?!

Дверные доски содрогались под ударами. Человек снаружи колотил так яростно, будто вознамерился разнести косяк в щепки.

Джек перестал смеяться. Улыбка сползла с его лица, сменившись выражением холодного интереса.

— Хочешь, я убью их для тебя? — серьезно спросил демон, глядя на сотрясающуюся дверь. — Считай это благодарностью за вчерашний леденец.

В этот миг Лэнс медленно поднял уголки губ. Его улыбка была такой ослепительной и в то же время жуткой, что даже у Повелителя Смерти по спине пробежал холодок.

Юноша выдвинул ящик стола и достал оттуда револьвер.

Помня о прежней покорности Кавендиша, Дилан уже приготовился к долгой осаде. Он никак

не ожидал, что дверь внезапно распахнется.

Не успев сдержать инерцию, репортер качнулся вперед. В ту же секунду резкий удар по голени выбил у него опору из-под ног. Не удержав равновесия, тот с глухим стоном повалился ничком прямо на порог.

Тут же на его спину опустился тяжелый сапог.

— В таком положении ты выглядишь куда уместнее, — раздался над ним ледяной голос Лэнса.

Юноша просто перешагнул через него и вышел во двор.

Черноволосый парень замер посреди сада. Его кожа была белой, как свежий снег, а губы отливали нездоровой синевой. На губах играла мягкая, почти ласковая улыбка.

Было видно, что он только что поднялся с постели: волосы были небрежно стянуты лентой, пара прядей упала на лоб. Глаза, обведенные темными кругами от недосыпа, были полуприкрыты, словно он вот-вот снова уснет. Свободная белая рубашка висела на его худощавой фигуре, делая его тонким и хрупким, почти как девушку.

— Лэнс Кавендиш? — прошептал кто-то в толпе.

В статьях этих газетчиков Кавендиш представал многоликим демоном, и они никак не ожидали увидеть перед собой этого болезненного, почти прозрачного человека.

...Но что это у него в руках?!

Лэнс тихо рассмеялся и поднял голову. Под испуганными взглядами толпы он выхватил из кобуры на поясе револьвер и привычным жестом взвел курок.

— Доброе утро, — он навел дуло прямо на них и вежливо осведомился: — Господа мусорщики, не будете ли вы так добры немедленно убраться с моей территории?

Журналисты замерли. Затем, как по команде, начали пятиться.

Дилан, который только что в ярости пытался подняться, чтобы проучить наглого мальчишку, застыл на месте, парализованный страхом.

— Ты... ты не посмеешь выстрелить! — прохрипел он, пытаясь сохранить лицо. — Убийство — это тяжкое преступление! Тебя приговорят к смерти!

Кавендиш мельком взглянул на него. Его глаза, лишенные в этот миг всяких эмоций, казались колодцами с ледяной водой.

— О чем вы, сударь? — беззаботно отозвался он. — Уборка мусора никогда не считалась преступлением.

Репортер шумно сглотнул, покрываясь холодным потом. Его ноги невольно сделали шаг назад.

Этот взгляд... он был невыносим. Холодный, мертвый, пустой. Лэнс смотрел на него так же, как смотрел бы на придорожный булыжник.

За этой хрупкой, болезненной оболочкой скрывалось нечто по-настоящему жуткое. Газетчик не сомневался ни секунды: если он посмеет возразить, юноша нажмет на курок, не моргнув и глазом. Этот мальчишка был монстром.

Напряженную тишину нарушил нарастающий шелест колес по гравию. Вскоре у ворот, забитых прессой, остановилась роскошная бело-золотая карета. Кучер в безупречной белой ливрее со Священной эмблемой Бога Солнца на груди придержал лошадей.

Из экипажа, грациозно откинув полог, спрыгнул рыцарь в ослепительно белом плаще — рыцарь-каратель Бюро по расследованию ереси. Это был золотоволосый молодой человек. Его волосы сияли на солнце, а весь облик был острым, как клинок. В холодных серых глазах не читалось ни тени чувств.

— Рыцарь Картер! — вразнобой выдохнули журналисты.

Имя Картера знал каждый в столице, и слава его была зловещей. Он славился беспощадностью к еретикам: те, кто попадал к нему в руки, редко выходили целыми. Ходили слухи, что он и вовсе питает слабость к плоти грешников.

Раньше эти легенды заставляли их обходить его за версту, но сейчас вид Картера принес репортерам неопишное облегчение.

Толпа тут же ломанулась к нему за спину. Не заботясь о том, как жалко они выглядят, прячась за одним человеком, газетчики мгновенно сменили тон.

— Рыцарь Картер, вы как раз вовремя! Мы поймали его на горячем!

— Скорее арестуйте этого негодяя! Нельзя позволять такому опасному типу разгуливать на свободе!

— Его нужно казнить!

— На костер!

— Отрубите ему голову!

— Очистите его Святым Светом!

Дилан тоже воспрял духом и победно осклабился:

— Ну всё, Кавендиш, ты доигрался! Рыцарь Картер не знает жалости к таким, как ты! Бросай оружие и сдавайся!

В этот миг золотоволосый рыцарь обнажил меч. Блик на стали полоснул по глазам так ярко, что многие зажмурились.

Картер развернулся. Острие тяжелого клинка прошло в паре дюймов от лица ближайшего репортера, заставив того с воплем повалиться в грязь.

Рыцарь-каратель перехватил рукоять обеими руками, встав в оборонительную стойку перед дверью Лэнса Кавендиша.

Его голос прогремел над улицей подобно грому:

— Господин Кавендиш — в высшей степени одаренный молодой человек! Он храбр, честен, добр и полон сострадания. Несомненно, его ждет великое будущее, и я не потерплю, чтобы вы оскорбляли или порочили его доброе имя!

— И я никогда не позволю вам так безнаказанно его притеснять!

Толпа журналистов разом замолкла, точно стая придушенных уток. Они во все глаза смотрели на Картера, сомневаясь в собственном слухе.

Тот самый рыцарь, ненавистник еретиков, сегодня защищал одного из них, обернув оружие против честных налогоплательщиков! За всю историю Инквизиции мир еще не видел подобного абсурда. Даже в самой нелепой театральной пьесе не додумались бы до такого поворота.

И он еще смеет говорить, что это они его притесняют?!

— Вы что, ослепли?! — в отчаянии взревел Дилан. — Это он целится в нас из револьвера! Он

хочет нас прикончить! Мы здесь жертвы!

Картер помолчал несколько секунд, затем медленно убрал меч в ножны. Репортеры приободрились, бросая восхищенные взгляды на своего «смелого» коллегу. Дилан выпятил грудь, гордясь собой. Он был уверен, что его слова образумили блондина, и тот сейчас начнет извиняться.

— Я совершил ошибку, — искренне произнес Картер.

Дилан снисходительно улыбнулся. Он был готов проявить великодушие и простить минутное помешательство святого воина.

— Мне следовало быть жестче, чтобы вы не приняли мою сдержанность за слабость.

Картер достал из-за пазухи револьвер. Под неверующим взглядом репортера дуло пистолета уперлось точно ему в лоб.

— Рыцарь Картер! Вы... вы ошиблись целью! — Дилан дрожащим пальцем указал на черноволосого юношу, который так и не опустил оружие. — Вон он, еретик! Цельтесь в него!

Рыцарь слегка повернул голову к Лэнсу. И на глазах у Дилана, который едва не лишился чувств от увиденного, ледяные серые глаза мужчины мгновенно подернулись дымкой нежной преданности.

— Вы выглядите бледным. Неужели вы так сильно устали? — он не только проигнорировал оружие в руках юноши, но и с глубокой тревогой добавил: — Ваши руки созданы для пера, как можно доверять им столь грубую работу? Оставьте всё мне и идите отдыхать.

Затем он снова повернулся к Дилану, и его лицо мгновенно стало свирепым.

— Отребье! Ты, крыса, посмевавшая вломиться в чужой дом!

Он хладнокровно нажал на курок. Грохнул выстрел, и раненый, схватившись за окровавленное плечо, зашелся в душераздирающем вопле.

— А-а-а-а!!!

Остальные журналисты разом выдохнули, точно один человек.

Бежать! Нужно немедленно убираться отсюда! Этот безумец действительно будет убивать!

— Стойте на месте, — ледяной голос рыцаря пригвоздил их к земле. От него исходила такая аура силы, что воля журналистов была подавлена мгновенно.

Несмотря на мертвенную бледность и дрожащие колени, они замерли, боясь даже моргнуть. В их глазах Лэнс Кавендиш сейчас выглядел страшнее любого демона из Бездны. Это они были слепцами, раз посмели связаться с такой силой.

Дилан обмяк на земле, стеноя от боли. Кровь сочилась сквозь его пальцы, капля за каплей опадая на землю, становясь удобрением для азалий. Но сейчас никто не сочувствовал ему. Напротив, все истово молились, чтобы смерть одного лишь репортера насытила гнев Инквизиции.

«Как шумно», — Лэнс едва заметно поморщился.

Дилан почувствовал, как над ним нависла тень. Он с трудом поднял голову; сквозь пелену слез лицо юноши казалось размытым пятном. Лэнс смотрел на него сверху вниз, и в его взгляде странным образом смешивались сочувствие и полное безразличие.

Тонкие, ухоженные пальцы Кавендиша с неожиданной силой сжали челюсть несчастного, просовывая холодный металл ствола в его открытый рот. Тот расширил глаза от ужаса. Мозг отключился — смерть никогда еще не была так близко.

— Джентльмен должен уметь слушать, когда говорят другие, — прошептал юноша. Его голос был нежным, почти интимным, а на губах играла вежливая улыбка. — Вы ведь справитесь с этой задачей, не так ли?

Дилан окончательно сломался. Смешивая слезы с соплями, он невнятно замычал, умоляя о пощаде.

Лэнс безразлично вытащил револьвер и вытер ствол о куртку репортера. Он медленно выпрямился, не спеша убирать оружие. Опустив дуло к земле, он непринужденно спросил:

— Господин рыцарь, какими судьбами?

Картер даже не взглянул на бесчинства Лэнса. В его глазах юноша проявил истинное милосердие. Посмей кто-то так обойтись с ним самим, рыцарь бы не оставил от наглеца и мокрого места.

Золотоволосый мужчина глубоко поклонился и, сдерживая волнение, произнес:

— Я прибыл, чтобы принести свои извинения.

Супруги Джонс, наблюдавшие за сценой из окна, окончательно потеряли дар речи. Они помнили, как сурово Картер арестовывал Кавендиша всего несколько дней назад. И вот теперь этот грозный воин склонял голову перед бывшим узником.

«Кто же ты такой, Лэнс Кавендиш? — билась в их головах единственная мысль. — Неужели ты и впрямь владеешь черной магией?»

<http://bllate.org/book/15857/1432217>